

УДК: 81'33

DOI: 10.25629/НС.2023.02.21

ТВОРЧЕСТВО КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС НОВАТОРСКОГО МЫШЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ)

Убоженко И.В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Московский государственный институт международных отношений (университет)

Аннотация. Представлено обоснование актуальности и новизны исследования темы переводческого творчества в контексте парадигмы человеческого капитала как базового ресурса и потенциала развития интеллектуальных навыков новаторского мышления. Описаны задачи исследования и его теоретическая и прикладная значимость в процессуальном и дидактическом аспектах. Обоснована избранная методология и эмпирическая концепция критического анализа иллюстративных кейсов. Результатом заявлена рефлексирующая методика инициирования нестандартных переводческих решений с перспективой изучения интерпретативных механизмов осознанного управления творческой интуицией переводчика.

Ключевые слова: переводческое творчество, инициирование новаторского мышления, переводческая дидактика, творческое переводческое решение.

Введение в проблему

Предлагаемое в данной статье *обоснование* целесообразности проводимого научного *исследования* направлено на достижение *цели* критического описания и системного структурирования феномена переводческого творчества. В работе творчество понимается как процесс, реализующийся в эксплицитном и имплицитном пропуске логических звеньев алгоритма действий переводчика, что наиболее очевидно раскрывается в возможности появления абсолютно новых переводческих решений, в том числе с учётом ситуаций, когда выбор и оформление окончательного варианта перевода осуществляется неосознанно (интуитивно): данный факт в этом ключе подтверждается его отсутствием в качестве закреплённого словарного эквивалента во всех словарях [6].

Актуальность исследуемой проблемы для языкознания в целом и переводоведения в частности объясняется, прежде всего, тем фактом, что феномен творчества входит в круг понятий разных наук (математики, логики, философии, религиоведения, истории, психологии, медицины) и является объектом изучения целого ряда школ и исследователей, характеризующих при этом множество парадигмально-характерных определений, создаваемых для конкретных исследовательских целей вышеназванных научных областей [13]: однако ни одна из имеющихся дефиниций полностью не отвечает научным целям современного языкознания и лингвистического (интерпретативно-семиотического и когнитивного) переводоведения [4].

Требуемые решения в ходе реализации исследования *задачи* можно объединить в две нижеисследующие взаимосвязанные проблемные группы:

1) необходимо сформулировать синергетическое и междисциплинарно-приемлемое рабочее определение переводческого творчества: предположим, что это явление представляет собой определённую совокупность интеллектуальных (вербальных и невербальных) навыков переводчика (с одной стороны, навыка принятия решения по выбору того или иного эквивалента перевода из потенциально возможных словарных соответствий, а с другой стороны, навыка

создания принципиально нового варианта перевода); будем исходить из того, что переводческие решения при этом в момент их принятия могут либо вообще не основываться на логических выводах, либо выстраиваться кратчайшим путём, с пропуском определенных этапов логического анализа в процессе окончательного выбора варианта перевода;

2) целесообразно выявить зависимость вида переводческого решения от ряда лингво-когнитивных и, вполне вероятно, иных параметров, и для начала таких, как вид перевода и жанрово-стилистическая и/или дискурсивно-регистровая принадлежность оригинала [7].

Новизна представленной в статье темы исследования состоит в попытке решения указанного выше круга задач с учётом их последующего уточнения и конкретизации, а также в стремлении *впервые* изучить творчество в переводе как совокупность определённых этапов и маркеров на базе уникального экспериментального комплекса. *Результаты* исследования в перспективе позволят достроить авторскую модель творческого переводческого процесса с последующим выходом её в дидактическую плоскость. Идентифицированные этапы «сворачивания» логических рассуждений и/или выявленные доминанты выбора эквивалента перевода дадут возможность детализации предложенной автором ранее типологии нестандартных решений переводчика по определённому/ым принципу/ам [6].

Особую *научную значимость* представляет прикладной характер выводов исследования, поскольку именно синергетический подход к системному описанию переводческой профессии [3] очерчивает сегодня направления дальнейшего её прогрессивного развития, в том числе открывая новые перспективы в области дидактики перевода и проектно-деятельностного обучения этому крайне сложному виду интеллектуальной деятельности [10]. Экспериментальное, в противовес умозрительному, обнаружение причин и интуитивно-творческих стимулов окказиональных решений переводчика и, как следствие, прикладная модель алгоритмически иницированного творческого мышления современного профессионала в области перевода позволит выработать оптимальные и эффективные лингводидактические рекомендации по улучшению качества обучения навыкам перевода [8].

Краткий обзор исследований

Одним из методологических элементов проводимого исследования послужила психологическая тезаурусная модель мышления, согласно которой случаи так называемого «творческого озарения» человека относятся к сложному результату сочетания процессов использования структуры сильных ассоциативных связей и процессов активации элементов информации [5]. На подготовительном этапе в ходе рассуждений формируются новые ассоциативные связи, меняется активность различных элементов информации. У одних элементов активность значительно падает, особенно во время отдыха (например, активность элементов, связанных с первыми, инерционными, шаблонными идеями решения), активность же других остаётся ещё на достаточно высоком уровне (элементы, активированные в последних рассуждениях), и в результате такой динамичной «игры» активностей и подготавливается интуитивно-творческое решение.

Отметим, что тезаурусное моделирование мышления имеет прямое отношение к практике преподавания методики изобретательства, описанной много ранее в работах Г.С. Альтшуллера [1]. Наиболее бросающимся в глаза фактом при наблюдении за попытками стихийного решения изобретательских задач было полное отсутствие каких-либо логических рассуждений. Н.Ф. Овчинников так же полагал в одной из своих работ, что стихийные, мгновенно выдвигаемые идеи решения не являются результатом каких-либо скрытых мыслительных операций, а предопределены уже готовой структурой знаний. Подобные наблюдения подтверждали, что стихийно выдвигаемые идеи у большинства людей одинаковы и шаблонны. В соответствии с тезаурусной мыслительной моделью, стихийное выдвижение идей предопределено структурой сильных ассоциативных связей и поэтому, при совпадении индивидуальной структуры знаний с общепринятой, интуитивно, без активации вследствие осознания, предлагаются тривиальные решения. Первые идеи вызывают активацию, подготавливающую следующие, и мышление идёт в подспудно заданном инерционном направлении. Работа же над конкретно

поставленной задачей с использованием методик изобретательства помогает приходиться к решениям оригинальным [5].

Алгоритмическая методика изобретательства представляет собой программу рассуждений над задачей. В процессе работы над задачей каждый пункт методики заставляет что-то осознанно сформулировать, и эти осознанные формулировки цели, обобщённых представлений о компонентах системы, формулировки идеального конечного результата и т. д. вызывают активацию имеющейся в памяти человека и в его тезаурусе информации. Первым пунктом алгоритмической методики является формулировка цели. Главный недостаток стихийного мышления – отсутствие осознанных рассуждений и, прежде всего, осознанных формулировок цели. Чтобы решить задачу, необходимы осознанные формулировки и переформулировки понимания цели, что способствует выявлению различных возможных граней её понимания, в отличие от того одного, инерционного, неосознанного понимания цели, которое становится решающим при стихийном мышлении. Следующим элементом алгоритма является переход к более обобщающим формулировкам, и это один из важнейших приёмов в методике изобретательства. Применение простейшей логической классификации (в терминах когнитивной лингвистики и в переводе актуальнее оперировать ментальной операцией категоризации), т.е. осознанной формулировки названий классов, способствует выявлению новых, оригинальных ответов. Любое представление в структуре знаний обязательно имеет прямую связь с более общим понятием, а то, в свою очередь, – с ещё более общим. Таким образом, из одного понятия высшего уровня общности расходится «веер» всё более конкретных понятий [5].

Изобретательские проблемы возникают тогда, когда обычное «вероятное» мышление не может найти решение. Для выявления новых решений в данном случае необходимо было бы проанализировать те альтернативы, которые удовлетворяют не всему комплексу требований. Чтобы проанализировать маловероятные альтернативы, необходимо насилье над стихийным ходом мышления, специальные искусственные приёмы. В методике изобретательства такими приёмами, разрушающими автоматический, комплексный учёт всех сторон, являются морфологический анализ и формулировка идеальных частных решений. Морфологический анализ помогает разрушить комплексное представление об исходных условиях задачи, формулировка идеального частного решения разрушает комплексное представление об ожидаемом конечном результате⁴.

Морфологический анализ в логике Овчинникова заключается в том, что объект изобретения мысленно расчлениают на составляющие компоненты и рассматривают в отдельности, какими могут быть эти компоненты вообще. Под формулировкой идеального частного решения Н.Ф. Овчинников подразумевает то, что Г. С. Альтшуллер называл формулировкой идеального конечного результата. Фактически же, как это следует из разбираемых им примеров, это представление о конечном результате идеально обычно только с точки зрения какого-то одного требования задачи, а с другими оно вступает в резкое противоречие. При стихийном мышлении такие идеи не приходят, так как этому препятствует комплексная активация требований задачи. Анализ же таких идей позволяет приходиться к оригинальным решениям. И тем не менее, слабость подхода Г.С. Альтшуллера заключается в том, что, основываясь в своих примерах на готовых изобретениях, он задним числом обосновывает, какой ответ должен быть дан на каждый пункт методики, чтобы прийти к контрольному ответу. С точки же зрения тезаурусной

---

⁴ В этой связи закономерно вспоминается концепция неоднозначно трактуемого и часто критикуемого в мировом исследовательском сообществе биолога Руперта Шелдрейка о морфологическом резонансе. Шелдрейк утверждал, что мысль представляет собой электромагнитное излучение, а мозг является крайне чувствительным приёмником подобных волн; морфологический резонанс понимается им как все знания, накопленные не только человечеством, но и другими субъектами и объектами Вселенной, которые образуют некое общее информационное поле. Мозг же, как он полагал, в свою очередь конструирует картину окружающего мира, интерпретируя излучения другого, первичного уровня реальности, существующего вне времени и пространства [11]. Любопытно, что аналогичные гипотетические предположения о мозге как органе, который не продуцирует идеи, а лишь ретранслирует их, высказывались и Натальей Петровной Бехтеревой, чей авторитет учёного мирового масштаба незыблем [2].

модели мышления, эффективное применение программных методов возможно, если пункты методики рассматриваются как источник активации, которая способствует осознанию самых различных ответов на каждый пункт программы.

Методы (методика)

Исходя из вышесказанного, наши рекомендации по использованию отдельных элементов методики изобретательства, например, при обучении *письменному переводу*, могут быть следующими:

1) работать желательнее не индивидуально, а в группе, поскольку командная деятельность априори порождает большее количество разноплановых переводческих версий (а «мозговой штурм», как известно, активизирует сознание);

2) необходимо учить специалистов критическому рассуждению и выстраиванию своих собственных программ рассуждения над поставленной задачей;

3) следует учить формулировать вслух чётко осознанную цель;

4) требуется тренировать навыки развёрнутой логической операции категоризации и классификации;

5) целесообразно учить умению обобщать: видеть образ, а затем представлять его элементы, образные компоненты системы, тем самым активизируя память, мыслительный тезаурус и хранящуюся в нём информацию (при этом холистический переводческий принцип гештальта, в своё время адаптированный под задачи перевода в интегрирующей концепции М. Снелл-Хорнби, в терминах тезаурусной модели мышления реализуется в конкретизации «веера» отдельных понятий, элементов образа) [12];

6) нужно учить анализировать маловероятные альтернативы переводческих решений, в том числе используя принципы морфологического анализа;

7) важно учить формулировать, в логике Г.С. Альтшуллера, идеальный конечный результат: в нашем случае – наиболее приемлемый окончательный вариант перевода.

Вывод, вытекающий из тезаурусной модели, о том, что надо уметь рассуждать, чтобы приходиться к оригинальным решениям, на первый взгляд, может показаться аксиоматичным: рассуждения, явные или подразумеваемые как свёрнутые, считаются само собой разумеющимся компонентом решения любых задач. Однако Овчинников указывает, что понятие «сознание» объединяет в себе фактически три мало совместимых аспекта: во-первых, то, что находится в поле осознанного внимания в данный момент, во-вторых, сознание как «со-знание», т. е. вся совокупность знаний, хранимая в памяти, и в-третьих, эффект рационализации, а именно, способность после совершения действия (физического или в форме ответа на задачу) давать ему «задним числом» объяснение в форме рассуждения, логического обоснования [6].

Для возможного частичного заимствования элементов критически изученной нами тезаурусной мыслительной модели особо значимо учесть, что она постулирует по сути два различных проявления «осознанного» мышления: «дискурсивное» и «псевдодискурсивное». Дискурсивное мышление есть система актуально апперцептируемых рассуждений, предшествующая выдвижению гипотезы, идеи решения задачи, псевдодискурсивное – логическое объяснение «задним числом» того, почему пришла та или иная идея. При истинно дискурсивном мышлении происходят процессы первичной и вторичной активации в структуре знания, что и предопределяет характер генерируемой идеи; при псевдодискурсивном мышлении идея генерируется интуитивно, т. е. путём реализации систем сильных ассоциативных связей, а затем эта система связей в какой-то мере «осознаётся», ретроспективно апперцептируется. [5] Здесь нетрудно проследить параллель с предпереводческим и постпереводческим анализом, разработанным в переводоведении. Именно в этой связи решающее значение приобретает формирование и развитие у будущего специалиста в области перевода систематизированной структуры дискурсивных и недискурсивных знаний, в совокупности со всей системой необходимых переводчику экспликативных инструментов мотивированного объяснения принятого решения [7].

Результаты и их обсуждение

Вопрос о степени сопоставимости потенциала тезаурусной модели мышления с тестируемым в исследовании коррелирующим алгоритмом поиска ассоциативных стимулов в ракурсе изучения интеллектуального потенциала переводчика в ходе апробации был решён в пользу оправданности применения дидактического опыта рефлексивных рассуждений в целях инициирования интуитивной догадки при принятии творческого переводческого решения.

Явление интуиции в переводе в данном исследовании подразумевает окказиональное включение определённым образом оттренированного навыка рефлексивного переводческого комментария, имплицитно запакованного ранее в автоматизированную логику принятия соответствующего решения: другими словами, интуиция переводчика фактически представляет собой свёрнутый результат неоднократно совершённых им развёрнутых эксплицитных логических операций, подчинённых конкретной цели и призванных решить определённую переводческую задачу. Данные операции в ходе обучения обязательно были вербализованы переводчиком в рамках специального процессуального алгоритма, сопровождающегося выполнением целевого комплекса упражнений, в силу чего впоследствии закрепились на подсознательно-интуитивном уровне. Следовательно, они могут быть инициированы в качестве творческих переводческих решений при стимулировании так называемых индивидуальных ассоциативных связей, составляющих мыслительный тезаурус переводчика, т.е. весь опыт его знаний и перцептивных переживаний.

Отметим, что особый интерес в данном случае представляет т.н. «раскачивание» слабых ассоциативных связей, в то время как сильные ассоциативные связи рассматриваются как «толчки» к продуцированию шаблонных, тривиальных, нетворческих переводческих решений. Такими стимулами («push-stimuli»), активирующими слабые ассоциативные связи, могут быть как чувства и воспоминания из индивидуального перцептивно-эмоционального опыта переводчика, так и своего рода «подсказки» («prompts»), которые он черпает из всего комплекса своих знаний как профессионального, так и исключительно антропоцентрического характера [7].

Иллюстративный кейс 1.

Перцептивный опыт и активация слабых и дополнительных ассоциативных связей при помощи внешнего лексического стимула

Студентам в группе был предложен стандартный тест на категоризацию с просьбой перечислить известные им средства транспорта. Большинство респондентов сразу же, не задумываясь, начали называть «машину, автобус, троллейбус». Однако неожиданно один из испытуемых озвучил слово «самокат», выбивающееся из стандартной группы наземных видов автотранспорта, и практически мгновенно за предложенным вариантом «логически выстроился» вариант «детская коляска», явно эмоционально окрашенный (группа засмеялась) и высказанный молодой мамой (что в свою очередь подтверждало её уникальный перцептивный опыт операции актуализации концепта «коляска» в качестве пока единственно возможного средства транспорта для её малыша). Данный пример наглядно демонстрирует процедуру воздействия внешнего вербального стимула на индивидуальное ассоциативное поле опыта испытуемого студента, для которого концепт «средства транспорта» очевидно так или иначе был связан в тот момент ассоциативно с воспоминаниями о детстве: в результате на фоне шаблонных вариантов «машина, автобус, троллейбус» возник нестандартный ответный вариант «самокат».

Иллюстративный кейс 2.

Профессиональный опыт и активация слабых ассоциативных связей при помощи стилистического стимула

Более эксплицитно, с методической точки зрения, можно проследить возможность стимулирования слабых ассоциативных связей у испытуемых, уже хорошо знакомых с дисциплинами теоретического цикла по соответствующей специальности (в нашем случае, к примеру, с основами теории перевода). Когда при переводе фразы «the President said», «tolerance must not be considered as a kind of doctrine of universal forgiveness» студент предложил вариант «Пред-

седатель сказал», «терпимость не должна считаться своего рода доктриной всеобщего прощения», преподавателю было достаточно «подсказать» лишь одно слово – «стиль!», и вариант мгновенно был изменён на более приемлемый («Председатель заявил», «толерантность не должна рассматриваться в качестве некой доктрины всепрощения»), поскольку студент осознал, что нарушил стилистическую и частично регистрово-дискурсивную адекватность, предложив для перевода фразы из официального общественно-политического текста разговорно-нейтральную лексику.

Иллюстративный кейс 3.

Профессиональный опыт и активация слабых ассоциативных связей при помощи стилистическо-регистрового стимула

В приведенных ниже примерах герои говорят на кокни, что обуславливает, в отличие от предыдущего примера, необходимость передачи сниженного регистра в дискурсе перевода в качестве главной характеристики персонажей. На помощь респондентам и здесь приходит их базовая лингвостилистическая подготовка. Для диалекта кокни характерно особое произношение, неправильность речи, а также рифмованный сленг.

- Oh, yer can t know that, – said Vi.

- А тебе-то откуда знать? – сказала Ви.

Фонетические особенности диалекта кокни – употребление «уег» вместо «you» – при переводе компенсированы добавлением к местоимению разговорной частицы «-то».

- I ll kiss yer, Sammy love.

- Я тя поцелую, Сэмми, голубчик мой.

Та же фонетическая особенность диалекта кокни аналогично транслируется в переводе с помощью разговорного, по сути развязного «тя» вместо местоимения «тебя».

- Dropped on yer bonce this morning...

- Свалилась на твою голову с утречка пораньше...

Фонетическая особенность диалекта кокни – употребление «уег» вместо «you» – и неправильность речи персонажа при переводе снова компенсированы разговорной лексикой.

Таким образом, дидактически «навязанный» поиск подобных ассоциативных стимулов успешно апробирован в качестве основы инициирования спонтанно-интуитивных переводческих решений при обучении переводческому творчеству. Следует подчеркнуть, что развитие переводческой интуиции не может ставить целью унификацию вариантов перевода: напротив, речь идет о развитии перифрастически продуктивного «чувства перевода», которое одновременно позволило бы и критически проанализировать проблему для того, чтобы, исходя из имеющегося опыта, предложить способ её решения. Если максимально симплифицировать наш вывод, то вопрос развития творческой переводческой интуиции сводится к способности «адекватно почувствовать» и определить суть проблемы.

Выводы и заключение

В процессе обучения специалистов в области перевода при использовании целевого комплекса специальных тренировочных задач возможно добиться осознанного выбора переводческого решения, начиная, к примеру, с предьявления связанных дискурсивных отрывков, содержащих одно и то же исходное выражение, но со смысловой оппозицией/полисемией, так, чтобы передача одного и того же значения в переводе во всех случаях была бы невозможной.

Для развития творческих переводческих навыков необходимо большое внимание уделять работе с толковыми словарями, где нет однозначного варианта перевода, а потому выбор и поиск варианта останется за переводчиком в условиях, когда невозможно использовать значение, предложенное англо-русским словарём. В наш век цифровизации всё чаще одной из наиболее распространенных тактических ошибок начинающих переводчиков становится попытка необдуманной подстановки варианта (нередко с подсказкой «машины»), предложенного словарём. В

этой связи ценность осознания того факта, что перевод – это творческий процесс, а не простое формальное знание слов, легко подвластное сегодня роботу, неуклонно возрастает [9].

Таким образом, в процессе работы над поставленной переводческой задачей каждый пункт кратко описанной в данном исследовании методики заставляет обучаемого осознанно сформулировать основную цель исходного сегмента, а осознанные вербализованные формулировки этой цели, в свою очередь, наряду с толкованием смысла исходного выражения, активизируют релевантные знания и обобщённые представления о компонентах целостной когнитивной системы, пробуждая тем самым интеллектуальные ресурсы обучающегося или уже практикующего специалиста и формируя своеобразный оригинальный «мыслительный/ментальный скелет» для порождения новаторских идей и версий.

В перспективе целесообразно определить количественное и качественное соотношение указанных во введении двух видов переводческих решений (решений по выбору из предложенных версий и принципиально новых решений) в процессе переводческого творчества. Потенциал исследования и тестирования содержат и такие доминанты слабых ассоциативных связей, как языковая компетенция переводчика, его фоновые знания и переводческая эрудиция, эко-коммуникативные условия выполнения перевода, деятельностные и функционально-локализационные ограничения и другие.

Библиография

1. Альтшуллер Г. С. Творчество как точная наука. М.: Сов. радио, 1979. – Кибернетика.
2. Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. – М.: Издательство АСТ, 2020. – 384 с.
3. Введение в синергетику перевода: монография / Л.В. Кушнина, И.Н. Хайдарова, С.С. Назмутдинова, [и др.]; под общ. ред. Л.В. Кушниной. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014. – 278 с.
4. Степаносова О.В. Современные представления об интуиции // Вопросы психологии. 2003. № 4. С. 17–33.
5. Овчинников Н.Ф. Новый взгляд на мышление. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2008. – 158 с.
6. Убоженко И.В. Интуитивный выбор переводчика: творческий поиск ассоциативных стимулов (опыт рефлексивных рассуждений) // Университетское переводоведение. Вып.8. Материалы VIII Международной научной конференции по переводоведению «Фёдоровские чтения». (19-21 октября 2006г.). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – С.462-468.
7. Убоженко И.В. Переводческая интуиция и тезаурусное моделирование мышления: методический алгоритм изобретательства // Университетское переводоведение. Вып.7. Материалы VII Международной научной конференции по переводоведению «Фёдоровские чтения». (20-22 октября 2005г.). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. – С.513-522.
8. Чистова Е.В., Убоженко И.В. Перевод: актуальные научные и профессиональные траектории. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022.
9. Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. Введение в интерлингвокультурологию. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – 255 с.
10. Kiraly D.C. Distributed cognition in the translation class. Tarragona Interviewed by A.Pym, 2000. E-pub date: July 13, 2012. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=-kQsGSKFsDM> (accessed: 30.12.2022).
11. Sheldrake, R. (2009) *Morphic Resonance: The Nature of Formative Causation*. Icon Books, 384 p.
12. Snell-Hornby, M. (1988). *Translation Studies. Integrated Approach*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ., 180 p.
13. Turner, M. (2014) *The Origin of Ideas: Blending, Creativity, and the Human Spark*. Oxford University Press, 288 p.

**CREATIVITY AS AN INTELLECTUAL RESOURCE
OF INNOVATIVE THINKING
(THE TRANSLATION CASE, IN TERMS OF DIDACTICS)**

Ubozhenko I.V.

National Research University Higher School of Economics (HSE University)
MGIMO University

Abstract. The relevance and novelty of the subject of translation creativity in terms of the human capital paradigm seen as a basic resource and potential for the development of intellectual skills of innovative thinking is presented. The objectives of the study and its theoretical and applied significance in procedural and didactic aspects are described. The chosen methodology and empirical concept of critical analysis of illustrative cases are substantiated. The result is a reflective method of initiating non-standard translation solutions with the prospect of researching the interpretative mechanisms of the conscious control of creative intuition.

Key words: translation creativity, teaching innovative thinking, translation didactics, creative translation solution.